

ЕСЛИ СОБРАТЬ ВСЕ РОЛИ...

Вместительный, залитый ласковым светом зал драматического театра. Сегодня он заполнен механизаторами, животноводами, хозяевами плантаций и садов. Я гляжу на лица, опаленные январским морозом, и они напоминают то метельские леса, то просторы сараевских степей.

Тяжелыми крыльями распахнулся занавес. На сцене Куба — остров Свободы, дорогой и близкий сердцу каждого советского человека. Энергичные, шумливые бородачи, крестьяне-кооперативщики собрались отпраздновать день рождения Терезы, такой же простой кубинки — хозяйки маленькой гостиницы на берегу синего моря.

Цветастым костром разгорается радость. Гости вовлекают Терезу в темпераментную пляску. Ей и песни, ей и цветы. Но вдруг черным ураганом налетают американские стервятники. Праздник смят. Рвутся бомбы. Родину надо спасать. Бородачи уходят драться.

Одного за другим провожает Тереза детей в пламя и грохот боя. Уходит Хосе — надежда матери, за ним — юная Виалетта и непоседливый Антонио, которому еще ходить да ходить в школу.

В спектакле «День рождения Терезы», успешно идущем на рязанской сцене вот уже второй сезон, главную роль исполняет Ирина Дмитриевна Кузнецова, заслуженная артистка РСФСР. Ее Тереза полна мужества и обаяния. Это не только мать, любящая своих детей, но и горячая патриотка. Когда она разговаривает с друзьями, с детьми, она женственна и ласкова, умеет пошутить и повеселиться. А когда начинает восклицать — «Почему янки убивают наших детей?!» — крик ее хватается за сердце, вызывает справедливый гнев против империалистических хищников.

Талантом актрисы Тереза вырастает в символ героической Кубы,

видел полгода назад. Но словно бы звучит еще голос актрисы, развешивающий лжеученость ихтиологички.

— Вот уже много лет, — доверительно рассказывает Елагина, — наш институт занимается выведением гибридных форм осетровых. Мы скрещиваем стерлядь с белугой и осетром.

Я вижу, как любопытство овладевает залом. В отрядной тишине, когда зрители ради слова задерживают дыхание, Елагину расспрашивают, каких же добилась она результатов? Тонком непрекращаемой учености, как бы читая затверженную лекцию, специалистка по бесплодным гибридам излагает:

— При институте есть кормовая база. Мы выращиваем мелкощетиных червей, так называемых олигохетов. Разводим комаров, яйца которых тоже идут в пищу рыбам...

Зал смеется. Да и трудно удержаться, глядя на точную игру актрисы. «Ученость» разоблачена. Так и кажется, что по сцене ходит не дипломированная дама, затянута в цветастые ткани, а мелкощетиный олигохет из породы пиявкообразных.

В моей памяти живет и образ секретаря райкома партии, созданный Ириной Дмитриевной в спектакле «Дали неоглядные». Ракитина Кузнецовой — это опытный организатор, партийный вожак, воспитатель. Но это не железобетон, не человекотехника, начиненный цитатами и руководящими указаниями. Ракитина — живая душа, способная любить и глубоко переживать. В ней все человеческое.

Три спектакля — и три разных характера, три судьбы. У каждой героини свои интонации, свои жесты, отличительная игра глаз.

Эти три роли — лишь малая часть большого творческого труда актрисы. И если бы можно было собрать все созданные ею образы, то

они, пожалуй, не вместились бы и на просторной сцене. Это было бы интересное зрелище!

Мы увидели бы Варвару из «Грозы» Островского, темпераментную, озорную и обаятельную.

Мы порадовались бы непосредственностью юной Джульетты, страстной, решительной, способной во имя любви на подвиг.

Мы встретились бы на том сборе героинь и с чистой, исполненной душевной красоты Соней из пьесы Чехова «Дядя Ваня». И от всего сердца посочувствовали бы ей, слушая ее проникновенные, идущие из самой глубины души слова:

— Будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба, будем трудиться для других и теперь, и в старости... И мы с тобою, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изысканную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем.

Может, вот с таким же чувством, с такими же мыслями трудилась и сама актриса, сыгравшая за последние двадцать четыре года в разных театрах около сотни ярких, полнокровных образов. Трудилась для других, утверждая красоту добра, подвигов, разоблачая и казня смехом пороки и человеческие слабости.

Конечно, умение перевоплощаться — дело трудное. Создать образ Дездемоны, не так-то легко начинать работать над ролью Ирины из «Третьей патетической» Погодина, после чеховской Ольги из «Трех сестер» входить в образ Глории, холодной и высокомерной английской аристократки из «Острова Афродиты».

Театральному искусству актриса посвятила себя еще в школе. Она никогда не представляла себе профессию артиста как эдакое беззаботное существование. Ведь артист должен не только уметь говорить со сцены афоризмы, но и много знать и многое уметь делать. Вот почему, занимаясь в школьном театральном коллективе, Ирина удивляла учителей усердием в учебе. Она была отличным математиком и окончила школу с золотой медалью.

Шестнадцати лет И. Кузнецова сыграла Катерину в спектакле «Про-

за», поставленном драматическим коллективом школы. А когда стали готовить к постановке «Вишневый сад», то юной актрисе поручили роль Раневской. И увидев ее воплощение, педагоги посоветовали Ирине целиком отдаться сцене.

Окончено театральное училище в Воронеже. Успешно сыграно несколько ролей на профессиональной сцене. Но началась война. Вслед за тревожными газетными сводками прилетели и бомбардировщики, оперенные черными крестами. Началась эвакуация. А Кузнецова ушла во фронтовую театральную бригаду, в которой проработала более трех лет.

Помнится актрисе прохладный осенний вечер. Вдали зубчатил разрушенный Воронеж. То там, то здесь завязывалась перестрелка и умолкала. В глубоком овраге бойцы собрались на концерт. Сценой была утоптанная площадочка, а партером — травянистый склон оврага.

Кузнецова, тогда еще совсем молоденькая девушка, исполняла роль юной партизанки-разведчицы, попавшей к гитлеровцам в плен. Враги, допрашивая разведчицу, глумились над ней. Особенно усердствовал рыжий офицер, мечтавший после победной войны поселиться на воронежском черноземе и обзавестись здесь обширным имением.

— Говори, дуручка, где партизаны?! — наседали рыжий. — Или мы выработаем из тебя великолепное удобрение под наши цветники!..

— Безде... кругом партизаны! — смело отвечала разведчица. — Только сунуться в любой лес, в речные камыши!.. И нарветесь...

Это была убедительная современность! Один из зрителей, худой солдатик с черными усиками и глазами, оживающими, как вспышки выстрелов, крикнул актрисе:

— А ты ему, рыжему гаду, в глаза! Глаза выдери!..

Еще не все номера исполнены, а зритель-автоматчиков уже подняли по тревоге. И партер мигом опустел. Несколько дней спустя бригада давала концерт раненым. Они лежали на пшеничной соломе, разостланной по полу, в школе, наскоро превращенной в полевой госпиталь. К Ирине подошел солдат на костылях с забинтованной головой. Да, она

уже видела эти вспышки-глаза и черные шнуры усов. Только скулы у солдата стали теперь острее и совсем обескровилось лицо.

— Здравствуйте, — сказал тот, глядя девушке в глаза. — Не узнали? Саша Рыбников. Сыграл вот последнюю роль... Здорово разукрасили мы того рыжего Ганса!..

— Какого? — недоумевая, спросила актриса.

— А того, что вас допрашивал. Конечно, не вашего артиста!.. А настоящего. Как воровались в Шатрово... И в их штабик! Мелкота-пехота, что поногастее, драпанула. А офицерки шнапсом перегрузились. Не стали на них патроны тратить. Народным методом обошлись. Жалко вот, что была это для меня последняя роль... Отвоевался. Я ведь тоже артистом был. Правда, маленьким, сельским.

И так до самого конца войны колесила бригада по фронтовым дорогам, то уходя в «глубокий» тыл — за три-четыре километра от передовой, то разыгрывая свои сценки и одноакты в блиндажах и землянках.

...Сейчас Ирина Дмитриевна готовит в Рязанском областном драмтеатре новую роль — Марии Михайловны из пьесы Николая Погодина «Черные птицы».

— Интересная роль, — говорит актриса. — Муж Марии Михайловны был хороший ученый, но в трагические дни тридцать седьмого года его оклеветали. Много лет о нем ничего не было слышно. Потом пришла весточка — жив! Но надежды на возвращение нет. Муж советовал: живи, Мария, устраивайся, как лучше. Но Мария снова ждала. Восемнадцать лет верила и ждала! И все же правда восторжествовала. Ученый возвратился к любимому труду, к верному сердцу. Хорошая женщина! Вот и хочется ее душевную красоту донести до зрителя.

Зритель ждет эту премьеру. И коль в пьесе хорошие люди и написана она драматургом, знавшим жизнь, любившим яркое русское слово, да и роль пришлось по душе актрисе, то и верится — будет еще успех.

В. МАТУШКИН.

г. Рязань.